

Николай Семёнович Лесков

Бесстыдник

Николай Лесков

Бесстыдник

«Public Domain»

1890

Лесков Н. С.

Бесстыдник / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1890

«Мы выдержали в море шторм на самом углу суденышке, недостатков которого я, впрочем, не понимал. Став на якорь, в какие-нибудь полчаса матросы всё привели в порядок, и мы тоже все сами себя упорядочили, пообедали чем бог послал и находились в несколько праздничном настроении...»

Николай Лесков

Бесстыдник

Мы выдержали в море шторм на самом утлом суденышке, недостатков которого я, впрочем, не понимал. Став на якорь, в какие-нибудь полчаса матросы всё привели в порядок, и мы тоже все сами себя упорядочили, пообедали чем бог послал и находились в несколько праздничном настроении.

Нас было немного: командир судна, два флотских офицера, штурман, да я и старый моряк Порфирий Никитич, с которым мы были взяты на это судно просто ради компании, «по знакомству» – проветриться.

На радостях, что беда сошла с рук, все мы были словоохотливы и разболтались, а темой для разговора служила, конечно, только что прошедшая непогода. По поводу ее припоминали разные более серьезные случаи из морской жизни и незаметно заговорили о том, какое значение имеет море на образование характера человека, вращающегося в его стихии. Разумеется, среди моряков море нашло себе довольно горячих апологетов, выходило, что будто море едва ли не панацея от всех зол, современного обмеления чувств, мысли и характера.

– Гм! – заметил старик Порфирий Никитич, – что же? – это хорошо; значит, все очень легко поправить: стоит только всех, кто на земле очень обмелел духом, посадить на корабли да вывести на море.

– Ну, вот какой вы сделали вывод!

– А что же такое?

– Да мы так не говорили: здесь шла речь о том, что море воспитывает постоянным обращением в морской жизни, а не то что взял человека, всунул его в морской мундир, так он сейчас и переменится. Разумеется, это, что вы выдумали, – невозможно.

– Позвольте, позвольте, – перебил Порфирий Никитич, – во-первых, это совсем не я выдумал, а это сказал один исторический мудрец.

– Ну, к черту этих классиков!

– Во-первых, мой исторический мудрец был вовсе не классический, а русский и состоял на государственной службе по провиантской части; а во-вторых, все то, что им было на этот счет сказано, в свое время было публично признано за достоверную и несомненную истину в очень большой и почтенной компании. И я, как добрый патриот, хочу за это стоять, потому что все это относится к многосторонности и талантливости русского человека.

– Нельзя ли рассказать, что это за историческое свидетельство?

– Извольте.

Прибыв вскоре после Крымской войны в Петербург, я раз очутился у Степана Александровича Хрулева, где встретил очень большое и пестрое собрание: были военные разного оружия, и между ними несколько наших черноморцев, которые познакомились со Степаном Александровичем в севастопольских траншеях. Встреча с товарищами была для меня, разумеется, очень приятна, и мы, моряки, засели за особый столик: беседуем себе и мочим губы в хересе. А занятия на хрулевских вечерах были такие, что там все по преимуществу в карты играли, и притом «по здоровой», «и приписывали и отписывали они мелом и так занимались делом». Храбрый покойничек, не тем он будь помянут, любил сильные ощущения, да это ему о ту пору было к необходимо. Ну, а мы, моряки, без карт обходились, а завели дискурс и, как сейчас помню, о чем у нас была речь: о книге, которая тогда вышла, под заглавием «Изнанка Крымской войны». Она в свое время большого шума наделала, и все мы ее тогда только что поначитались и были ею сильно взволнованы. Оно и понятно: книга трактовала о злоупотреблениях, бывших причиной большинства наших недавних страданий, которые у всех участвовавших

в севастопольской обороне тогда были в самой свежей памяти: все шевелило самые живые раны. Главным образом книга обличала воровство и казнокрадство тех комиссариатщиков и провиантчиков, благодаря которым нам не раз доводилось и голодать, и холодать, и сохнуть, и мокнуть.

Естественное дело, что печатное обличение этих гадостей у каждого из нас возбудило свои собственные воспоминания и подняло давно накипевшую желчь: ну, мы, разумеется, и пошли ругаться. Занятие самое компанское: сидим себе да оных своих благодетелей из подлеца в подлеца переваливаем. А тут мой сосед, тоже наш черноморский, капитан Евграф Иванович (необыкновенно этакий деликатный был человек, самого еще доброго морского закала), львенок нахимовский, а доброты преестественной и немножко заика, ловит меня под столом рукою за колено и весь ежится...

«Что такое, – думаю, – чего ему хочется?»

– Извините, – говорю, – мой добрейший. Если вам что-нибудь нужно по секрету – кликните слугу: я здесь тоже гость и всех выходов не знаю.

А он заикнулся и опять за свое. А я ведь по глупости своей пылок, где не надо, да и разгорячен был всеми этими воспоминаниями-то, и притом же я еще чертовски щекотлив, а Евграф Иванович меня этак как-то несмело, щекотно, пальцами за колено забирает, совершенно будто теленок мягкими губами жеваться хочет.

– Да перестаньте же, – говорю, – Евграф Иванович, что вы это еще выдумали? Я ведь не дама, чтобы меня под столом за колено хватать, – можете мне ваши чувства при всех открыть.

А Евграф Иванович – милота бесценная – еще больше сконфузился и шепчет:

– Бе-е-е-стыд-д-ник, – говорит, – вы, Порфирий Никитич.

– Не знаю, – говорю, – мне кажется, что вы больше бесстыдник. С вами того и гляди попадешь еще в подозрение в принадлежности к какой-нибудь вредной секте.

– Ка-а-а-к вам... ра-а-зве можно, можно та-а-к про интендантов с комиссионерами говорить?

– А вам, – спрашиваю, – что за дело за них заступаться?

– Я-а-а за них не за-а-а-ступа-а-юсь, – еще тише шепчет Евграф Иванович, – а разве вы не видите, кто тут за два шага за вашей спиной сидит?

– Кто там такой у меня за спиной сидит? – я не виноват: у меня за спиной глаз нет.

А сам за этим оборачиваюсь и вижу: сзади меня за столиком сидит в провиантском мундире такая огромная туша – совершенно, как Гоголь сказал, – свинья в ермолке. Сидит и режется, подлец, по огромному кушу, и с самым этаким возмутительным для нашего брата-голяка спокойствием: «дескать, нам что проиграть, что выиграть – все равно: мы ведь это только для своего удовольствия, потому у нас житница уготована: пей, ешь и веселись!» Ну, словом сказать, все нутро в бедном человеке поднимает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.